

Гао Линь, сидя рядом с кучером, смотрел на них с почти материнским умилением. Отношения князя и второго сына Лю и впрямь становились всё лучше.

А-Нин думал то же самое, ведь раньше он мог иногда прилечь рядом с господином, а теперь почти весь день проводил снаружи кареты, и если хотел отдохнуть, то перебирался в другую. Ему стало любопытно, чем его господин занимается с князем, и он дважды осмелился приподнять занавеску —

В первый раз господин спал, и князь тоже спал.

Во второй раз господин спал, а князь смотрел, как он спит.

Так или иначе, всё сводилось ко сну.

То, что господин спит, не было чем-то из ряда вон, но то, что князь тоже готов был спать рядом, сильно расходилось со слухами. А-Нин спросил у помощника Гао, как было на северо-западе.

— На северо-западе, — Гао Линь, покусывая травинку, сказал, — если не было боёв и мы оставались в резиденции князя Сяо в Городе Полумесяца, то не слишком утруждались. Но князь без дела сидеть не любит, от силы день поспит, а потом ищет, чем бы заняться... нет, интересуется торговлей на границе или просто ведёт войска в пустыню волков пострелять.

Да, именно так и говорили.

Но почему же князь стал таким спокойным и сдержанным рядом с его господином?

Гао Линь тоже не мог этого понять.

А-Нин предположил:

— Может, князь учение господина о трёх тысячах путей Дао постиг?

Гао Линь выдвинул другую гипотезу:

— А может, его сглазили.

И последнее казалось куда вероятнее.

Ведь вместо трёх тысяч путей Дао князь, скорее всего, предпочёл бы вручить три тысячи ударов мечом.

А-Нин:

— Не может быть!

Они продолжали путь, и через десять дней, в полдень, остановились отдохнуть под деревом. Лю Сюаньань лениво дремал, А-Нин, сидя рядом, ел жёлтые дикие ягоды, а на коленях у него лежала книга по медицине. Если он чего-то не понимал, то вставлял закладку, чтобы позже спросить господина. Охранники, хорошо знавшие этого слугу, подшутили:

— Прямо как на картине.

Лян Шу не стал оспаривать это утверждение. Действительно, было похоже на картину, хотя

дело было не в красоте, а в той безмятежной гармонии, с которой эти двое сидели рядом. Это было поистине ценно, и стоило просто наблюдать. Но тишина длилась недолго — вскоре на дороге показались клубы пыли, взметнувшиеся из-под копыт.

Все повернулись на звук, Лю Сюаньань открыл глаза, а А-Нин, закрыв книгу, встал:

— Кажется, это люди из управы.

Лошадь, обладая отличным ходом, быстро приблизилась, и человек в седле почти свалился на землю:

— Князь.

— Это ты? — сказал Лян Шу. — Встань.

Звали его Хуа Пинье, когда-то он служил офицером в северо-западном лагере, но после ранения был переведён в город Цуйцю. В прошлом году он женился и отправил в Город Полумесяца целую телегу с вином и сладостями.

— А-Пин, — Гао Линь помог ему встать. — Не торопись. Что случилось?

Хуа Пинье, запыхавшись, выпалил:

— Князь, в районе горы Гаолян мятежники объявились.

А-Нин с удивлением посмотрел на своего господина. Как в такое мирное время могли появиться мятежники?

Лю Сюаньань похлопал его по плечу. То, что они с Городом Белого Журавля живут в мире, не значит, что весь мир спокоен. Разве ты не слышал, как помощник Гао недавно о наводнении на реке Байхэ говорил? Даже если затопило всего один участок, для хозяина той земли этот год уж точно мирным не назовёшь.

А река-то разлилась не на одном участке и не на одном поле.

Хуа Пинье получил известия о мятежниках на горе Гаолян и о том, что князь Сяо скоро прибудет в Цуйцю, почти одновременно и потому немедленно помчался в путь. Согласно секретному донесению, предводителем мятежников был Хуан Вансян, уроженец деревни Сяохуанчжуан, мужчина в расцвете сил, лет тридцати-сорока. Поскольку его земли были смыты, а родители, жена и дети погибли в пучине, он, не видя иного выхода, собрал таких же горемык и поднял восстание на горе Гаолян.

Таких мятежников и ненавидеть-то сложно, но бунт всё же тяжкое преступление. Местные войска должны были подавить его в зародыше, но позволили Хуан Вансяну разрастись. Либо они проявили халатность, либо намеренно не вмешивались.

Намеренно не вмешивались, позволяя ситуации ухудшаться, чтобы выпросить у двора побольше серебра. В конце концов, что может натворить какой-то мужик с оравой голодающих беженцев? А даже если и натворит, двор войска из других мест пришлёт — не их забота. Главное — урвать своё.

Таких паразитов Лян Шу и Гао Линь повидали немало. Хуа Пинье тоже эту схему понимал, но больше сказать не мог, лишь добавил:

— Если узнают, что князь в Цуйцю прибыл, поумерят свой пыл, надо думать.

Лян Шу передал секретное письмо Лю Сюаньяню:

— Садись в карету, поедем в Цуйцю. Если будет время, посмотри, как этот Хуан Вансян действует.

Только теперь Хуа Пинье заметил двух человек под деревом и, взглянув на них, тихо спросил помощника Гао:

— Это и есть знаменитый второй сын Лю?

Гао Линь удивился:

— Как догадался?

Хуа Пинье ответил:

— Да не сложно. Недавно по всей стране слух шёл, будто принцесса за него замуж выйти хочет, а людей с такой внешностью раз-два и обчёлся.

Он продолжил свои догадки:

— Князь его в Королевский город везёт, чтобы с принцессой познакомиться?

Лян Шу холодно на него взглянул.

Хуа Пинье вздрогнул и поспешно прикусил язык.

Лю Сюаньянь, сидя в карете, внимательно прочитал письмо. Возможно, чтобы скрыть намеренное бездействие местных войск, Хуан Вансяна изобразили неким демоном, способным людей очаровывать, ростом в девять чи, призывающим сотни последователей. На нескольких страницах не нашлось ни единого полезного слова.

Даже А-Нин не выдержал:

— Да как они могут быть такими никчёмными! Даже волос с головы князя стоит больше, чем все они вместе. Я бы лучше справился!

— Ты с князем мира хотите, а они мелкой смуты жаждут, — сказал Лю Сюаньянь. — Цели разные, потому и методы, и результаты разнятся. Дело не в том, кто умнее, а кто глупее.

Он аккуратно сложил письмо и сунул обратно в конверт. А-Нин спросил:

— Если беженцы есть, лекарства, наверное, понадобятся. Может, заранее заготовить?

— Боюсь, купить их уже будет непросто, — ответил Лю Сюаньянь. — Ладно, сначала с помощником Гао посоветуйся.

А-Нин кивнул и вылез из кареты. Через мгновение занавеска снова колыхнулась, и внутрь влез Лян Шу.

— Ну, как?

— Лучше бы не читал.

Лян Шу усмехнулся:

— Я тоже так думаю. Просто полюбуйся, до какой степени люди могут пойти ради своих корыстей.

Лю Сюаньань вернул письмо:

— Но то, что Хуан Вансян смог за короткий срок столько людей собрать, всё же о чём-то говорит. Князь, будь настороже.

— Не беспокойся, — Лян Шу посмотрел на него и неожиданно добавил:

— Ведь если поранясь, ты меня вылечишь.

Город Цуйцю располагался на возвышенности, и даже при разливе реки Байхэ большая часть плодородных земель оставалась нетронутой, что делало его одним из самых безопасных городов на всём протяжении реки. Но именно эта безопасность и принесла Хуа Пинье с горожанами новые напасти.

Через несколько дней пути они стали встречать всё больше беженцев, сидевших у дороги с семьями и умоляющих подать им еды. Дорогу основательно подзабили, и караван замедлил ход. А-Нин опустил занавеску и тихо спросил Лю Сюаньаня:

— Господин, может, дадим им немного еды?

Лю Сюаньань покачал головой:

— Не выйдет.

А-Нин не понял:

— Почему?

Лю Сюаньань объяснил:

— Людей слишком много. Дам одному — придут десять. Дам десяти — придут сотни.

А-Нин снова выглянул в щель окна. Среди толпы было несколько детей, которые уже едва держались на ногах от голода. Он снова спросил:

— Господин, а может, я тайком той женщине кусочек дам, чтобы никто не заметил?

Лю Сюаньань вздохнул:

— Попробуй.